

Ингвар Восходов

Час тишины перед рассветом

Ингвар Восходов

Час тишины перед рассветом

«Автор»

2026

Восходов И.

Час тишины перед рассветом / И. Восходов — «Автор», 2026

Весна 1940 года. Карельская граница, прозванная пограничниками «Глухим углом». После Зимней войны здесь стоит старая финская заимка, превращенная в казарму с гнилыми стенами и вечно ломающимся радиопередатчиком. Для старшины Егора Родионова и его отделения война выглядит совсем не так, как на плакатах. Здесь нет громких залпов и танковых клиньев — только звенящая тишина замерзшего болота, ножи во тьме, борьба с обморожением и ежедневный выбор между уставом и выживанием. Вместе со своим отделением — молчаливым сибирским следопытом, неунывающим балагуром-пулеметчиком и вчерашним студентом-филологом — Родионов вступает в схватку с опытными финскими диверсантами. Но главная битва начинается после победы. Обнаружив вместо взрывчатки гражданские костюмы, фальшивые паспорта и списки местной интеллигенции, пограничники понимают: тихая лесная война была лишь прелюдией. Враг уже давно среди них, он спит в их домах и улыбается при встрече.

© Восходов И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог: Ледяное зеркало	5
Глава 1. Застава «Глухой угол»	7
Глава 2. Чужая лыжня	10
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Час тишины перед рассветом

Пролог: Ледяное зеркало

Мартовская ночь висела над карельским лесом глухим, непроницаемым пологом. Ни луны, ни звезд — только плотная пелена низких облаков, придавившая вершины вековых сосен к самой земле.

Мороз здесь был не тем сухим, звонким морозом декабря, от которого весело хрустит снег под валенками. Мартовский холод в Карелии был сырым, тяжелым, пробирающим до самого костного мозга. Он оседал на бровях инейной коркой, намертво склеивал ресницы и превращал дыхание в стеклянную пыль. Под ногами бойцов пограничного наряда лежало замерзшее болото — предательская ловушка, затянутая хрупким панцирем наста. Ледяное зеркало. Днем оно впитывало тусклый свет и ослепляло, а сейчас отражало лишь абсолютную, первобытную тьму.

Снег перестал идти еще вечером, и тишина установилась такая, что звенело в ушах. Это была обманчивая, мертвая тишина зимнего леса. В ней тонул любой звук: треск лопнувшей от мороза ветки казался выстрелом, а шелест хвойной лапы заставлял инстинктивно пригнуться. Старшина Егор Родионов шел первым. Его тяжелые яловые сапоги ступали по насту беззвучно — он переносил вес тела плавно, перенося центр тяжести еще до того, как подошва касалась льда. Пятнадцать лет на границе научили его главному правилу выживания: ты живешь ровно до тех пор, пока враг не слышит твоего дыхания. За ним, след в след, двигались двое: ефрейтор Сомов, прижимающий к груди приклад «светки», и молодой второй номер, татарин Габайдулин, сжимающий ремень ручного пулемета Дегтярева.

Родионов остановился так резко, что идущий позади Сомов едва не ткнулся стволом ему в спину. Старшина медленно поднял руку в рукавице — сигнал «замереть». Он опустился на одно колено, стянул зубами мокрую от пота брезентовую рукавицу и приложил голую ладонь к льду.

Вибрация. Едва уловимая, низкочастотная дрожь, которая шла из-под земли. Болота никогда не спят полностью. Где-то глубоко под трехметровым слоем промерзшего торфа все еще шевелилась вода, но эта дрожь была другой. Она была ритмичной. Чужой. Три удара... пауза... два удара. Так ходит человек, проваливаясь в невидимые под снегом пустоты. И идет он прямо навстречу их дозору.

Старшина жестом развернул цепь. Бойцы распластались на снегу, мгновенно сливаясь с серо-черным пейзажем. Их белые маскхалаты уже давно перестали быть белыми, покрывшись грязной ледяной коркой. Винтовка в руках Родионова стала продолжением его рук — тяжелой, холодной, надежной. Он снял оружие с предохранителя. Звук получился оглушительно громким в этой звенящей пустоте — сухой металлический щелчок, похожий на удар кости о кость. Старшина замер, ожидая эха или ответной реакции. Но лес проглотил звук без остатка.

Они появились через минуту. Сначала это были просто более густые тени среди теней, уплотнение мрака на фоне черных стволов елей. Четверо. Шли они грамотно, профессионально, опытный старшина оценил это сквозь прорезь прицела: передовой разведчик проверял путь лыжной палкой, остальные держали дистанцию, готовые залечь. Финские егеря. Или шведские наемники-добровольцы — для него разницы не было. Они тоже шли без лыж-снегоступов, берегли силы, зная каждый шаг этого болота лучше своих пяти пальцев.

Расстояние сокращалось. Двадцать метров. Пятнадцать. Двенадцать.

Родионов знал этот закон ничейной земли: первый, кто откроет огонь — проиграл. Выстрел ночью в лесу слышен за пять километров. На него тут же вылетит тревожная группа

с собаками, обложат район, и задание будет сорвано. Граница любит тишину. А потому война здесь велась сталью.

Старшина выдохнул облачко пара и сделал медленный, бесшумный вдох. Условный знак — резкий взмах кулаком вперед. Не крикнуть «ура», не дать очередь в воздух. Просто бросок.

Он метнулся к чужаку, шедшему вторым, одним гигантским прыжком преодолевая последние метры. Егерь успел лишь обернуться на движение. Широкое лезвие армейского ножа старшины вошло ему точно под правую ключицу, снизу вверх, находя щель между плотной курткой и разгрузкой. Хрип утонул в толстом шерстяном шарфе. Родионов поймал падающее тело, не давая ему рухнуть на лед со звуком мешка с камнями, и мягко опустил в глубокий сугроб у вывороченной сосны. Первый готов.

Одновременно справа тяжело ухнуло, хрустнула разрываемая ткань — это Габайдулин сцепился со своим противником врукопашную. Молодой боец забыл про нож, пытаясь задавить финна весом, прижать к земле. Егерь оказался матерым волком. Он змеиным движением выскользнул из захвата, ушел вбок и коротким, экономным выпадом всадил Габайдулину тонкий финский пуукко под ребра.

Удар был профессиональным — неглубоким, режущим, рассчитанным не на убийство, а на то, чтобы вывести солдата из строя болью и кровопотерей. Габайдулин упал на колени, хватая ртом морозный воздух, пальцы скребли по обледенелому прикладу пулемета. Пуля мимо — нож всегда быстрее автомата.

Ефрейтор Сомов сработал чисто. Без замаха, от бедра, он саданул врага тяжелым затыльником приклада в висок. Раздался мерзкий, влажный звук лопнувшей дыни. Тело обвисло, повиснув на молодом деревце, словно небрежно брошенная телогрейка.

Бой длился не больше двадцати секунд.

Двое оставшихся егерей поняли, что внезапность потеряна. Они не стали геройствовать. Мгновенно разорвав дистанцию, они растворились в темноте так же бесшумно, как и появились, оставив после себя на истоптанном снегу лишь темные пятна чужой крови да запах сгоревшего в печках махорочного дыма, въевшегося в их шинели.

Тишина вернулась, но теперь она была иной — густой, свинцовой, пульсирующей.

— Жив? — прохрипел Родионов, опускаясь на колени рядом с Габайдулиным. Он зажал рану пятерней, чувствуя, как горячая липкая кровь моментально остывает на ледяном воздухе, смешиваясь с талой водой.

Боец кивнул, оскалившись от боли. Зубы выбивали дробь.

— Задело, товарищ старшина... — просипел он.

— Крови много...

— Терпи, сынок. Сейчас заговоришь иначе, — усмехнулся Родионов, туго затягивая индивидуальный пакет поверх ватника.

Боль быстро приведет в чувство, главное — не дать ему заснуть. Сон на мартовском льду означает смерть.

Старшина поднялся, вытер нож о снег и посмотрел на запад, туда, где исчезли вражеские лазутчики. Там, за полосой ржавых проволочных заграждений, начиналась другая страна. И там сегодня узнали, что участок границы им не по зубам.

Выстрелов не было. Никто не бросил гранаты. Только тяжелое дыхание трех выживших людей, тихий, сводящий с ума звон в ушах от напряжения да далекий, предвещающий скорую весну треск оседающего льда. Война на этом рубеже действительно делалась не громкими залпами артиллерии. Она делалась выдержкой, мертвым холодом, который выгрызает легкие, и остро отточенной сталью. Пролог закончился. Впереди была долгая, бессонная ночь.

Глава 1. Застава «Глухой угол»

Весна в сороковом году пришла на северную границу поздно, робко и как-то нехотя. Снег осел, почернел от прошлогодней хвои и болотной грязи, превратившись в зернистую кашу, которая днем чавкала под ногами, а к вечеру схватывалась ледяной коркой, острой, как битое стекло.

Застава «Глухой угол» оправдывала свое название полностью. До ближайшего села — тридцать верст непроходимых карельских топей, до штаба комендатуры — два часа езды на полуторке, если она рискнет сунуться по раскисшему грейдеру. Сама застава ютилась на небольшом песчаном взгорке, со всех сторон зажата глухим ельником и ржавыми зеркалами озер.

Это была старая финская заимка, брошенная хозяевами прошлой осенью во время Зимней войны. Три сруба из толстого кондового бревна, сложенные еще при царе Горохе. Финны умели строить на века, но даже их мастерство пасовало перед северной сыростью и советской небрежностью первого месяца службы. Крыша центральной казармы, крытая когда-то деревянной дранкой, теперь напоминала лоскутное одеяло нищего: поверх гнилых стропил лежал рубероид, придавленный автомобильными покрывками; где-то зияли прорехи, заткнутые еловым лапником и ржавым кровельным железом. Из щелей между венцами сруба тянуло пронзительным сквозняком, выдувающим последнее тепло от двух пузатых печек-«буржук». Пахло здесь мокрой псиной, прелой портянкой, сосновой смолой и въевшимся в сами стены запахом чужого, давно остывшего трубочного табака.

Сразу за банным срубом, над черным провалом ручья, громыхал дизельный генератор радиостанции. Он был ровесником революции. Механики из округа обещали прислать новый еще в январе, но на дворе стоял апрель, а этот кусок мертвого железа жил своей собственной, издевательской жизнью. Он мог часами молотить без перебоев, наполняя эфир чистым треском, а мог заглохнуть ровно в ту секунду, когда шифровальщик ловил позывные Москвы. Старшина Родионов смотрел на него философски: матерился сквозь зубы, пинал сапогом по чугунному кожуху, но знал, что убить эту рухлядь окончательно невозможно — только усыпить на время.

Баня представляла собой приземистый низкий сруб, вросший в землю по самые окна. Внутри густо пахло дегтем, сырыми березовыми вениками и кислым паром. Полки были сколочены из неструганых досок, которые оставляли занозы даже сквозь толстый слой копоти. Но именно эта баня была единственным местом на заставе, где рядовой состав чувствовал себя людьми. Здесь смывали грязь трехдневных нарядов, здесь же лечили простуды водкой с перцем и здесь выясняли отношения один на один, чтобы потом выйти в предбанник красными, распаренными, но уже друзьями.

Именно сюда, в это царство промозглой реальности, утром десятого апреля прибыла машина с пополнением. Полуторка, тяжело переваливаясь на колесе, высадила семерых бойцов прямо в лужу талой воды у крыльца. Они спрыгивали неуклюже, придерживая новенькие вещмешки. Городские мальчишки. Весенний призыв тысяча девятьсот сорокового года. От них еще пахло вокзальным углем, дешевым одеколоном после бритья и тем особым юношеским восторгом, который рождается от строгой формы, скрипящей портупеи и осознания причастности к великой государственной тайне. Шинельное сукно стояло колом, а яловые сапоги отражали низкое серое небо.

Они смотрели на покосившееся крыльцо, на залатанную крышу, на грязного, заросшего черной щетиной ефрейтора Сомова, вышедшего им навстречу с сигаркой в зубах, и их городская романтика начала стремительно таять вместе с последними островками снега.

— Это... и есть героическая граница? — вполголоса спросил самый высокий из прибывших, крепкий парень с круглыми деревенскими щеками, оглядывая прохудившуюся крышу.

— Товарищ политрук на плацу говорил про неприступный рубеж социализма...

Сомов неторопливо выпустил струю дыма прямо ему в лицо.

— Рубеж он и есть рубеж, — сипло ответил ефрейтор.

— Грязи в нем столько же, сколько и геройства. А иногда и больше. Вещички кидайте вон туда, в сушилку, пока сопли не потекли.

Старшина Родионов наблюдал за ними исподлобья, сидя на скамейке возле оружейной комнаты. Он видел таких сотни. Первые три дня они будут ходить гоголем, учить устав назубок и пугаться каждого шороха в лесу. Потом начнется быт. Мозоли от новых сапог, бесконечная чистка оружия, которое снова и снова бросают в грязь на учениях, и главное — понимание того, что враг находится там, за полосой демаркации границы, и он рядом.

Вечером, после бани и распределения коек (новобранцам достались кровати у самой входной двери, откуда немилосердно дуло), старшина собрал свой костяк в каптерке. Личный состав отделения Родионова сидел на пустых патронных ящиках, прихлебывая обжигающий кипяток из помятых алюминиевых кружек. Контраст между притихшими на своих кроватях городскими салагами и этими людьми был разительнее, чем между войной и миром.

На ящике у печи сутулился **сибиряк Прохор Еремин**. Призывался из-под Братска. Огромный, ширококостный мужик лет тридцати, хотя в красноармейской книжке значилось двадцать пять. Говорил он редко, слова ронял скупое, будто выдавливал их из тюбика, и постоянно кутался в выдавшую виды трофейную финскую куртку из оленьей шкуры, несмотря на жар от буржуйки. Его руки, покрытые глубокими белыми шрамами от зверовых капканов, казались сделанными из старого дерева. Еремин никогда не смотрел людям в глаза — его взгляд всегда скользил чуть ниже, по плечам или груди собеседника, словно он читал следы на чело-веческом лице. За всю неделю он произнес едва ли пару десятков слов, предпочитая общаться жестами. Но стоило вывести его за ворота заставы, в лес, как преобразование было разительным: исчезала медвежья неуклюжесть, движения становились плавными, кошачьими. Он слышал, как мышь пробегает под трехметровым слоем снега, и по одному сломанному сучку мог рассказать историю прошедшей ночи. Для границы такой человек стоил целого взвода.

Рядом с ним, развалившись так вольготно, будто ящик под ним был бархатным диваном в столичном ресторане, сидел **пулеметчик Захар Шульга** — признанный балагур и душа заставы. Невысокий, жилистый, с хитрыми, вечно смеющимися глазами-щелочками и золотой фиксой впереди, которую он принципиально не прятал. ДП-27 — ручной пулемет Дегтярева — он чистил с нежностью, разговаривал с ним, называл «Машенькой» и уверял, что оружие платит ему взаимностью. Шульга мог достать махорку там, где ее не было отродясь, заварить чифир из желудевой крошки, способный поднять мертвеца, и травить байки о своих донжунских подвигах в Одессе, которым никто не верил, но которые слушали с открытым ртом. Именно его смех чаще всего перекрывал унылый гул ветра в печной трубе.

— Ничего, братва, — подмигнул он новобранцам через открытую дверь каптерки, заметив их тоскливые взгляды.

— Главное на границе — чтоб сухо было *там*, — он выразительно постучал пальцем по своему плоскому животу.

— Остальное начальство обеспечит. Выдадут нам сухой паек патриотизма, мы его разведем кипятком энтузиазма, вот и ужин готов. Верно, товарищ старшина?

Родионов лишь молча качнул головой. Балабол балаболом, но ленту в темноте Шульга снаряжал быстрее всех, а его «Машенька» всегда давала одну сплошную линию огня без единой задержки.

Третьим был **Михаил Штейн**, второй номер. Если бы кто-то месяц назад сказал студенту второго курса филологического факультета Ленинградского университета, сыну извест-

ного профессора-искусствоведа, что он будет спать в обнимку с коробом запасных дисков для пулемета системы Дегтярева, Мишка рассмеялся бы этому человеку в лицо. Сейчас же он сидел, кутаясь в слишком большую для него шинель, и делал вид, что увлеченно читает затрепанный томик Блока, найденный на подоконнике. Тонкие пальцы, привыкшие держать перо, неумело крутили самокрутку, просыпая табак на колени. Интеллигентность сочилась из каждой его поры: из манеры говорить сложноподчиненными предложениями даже в ответ на мат, из привычки носить очки в тонкой металлической оправе.

— Поразительная акустика, — тихо заметил Штейн, прислушиваясь к тому, как ветер завывает в щели сарая.

— Прямо готический собор упадка. Эдгар Аллан По наверняка нашел бы здесь вдохновение для новой элегии о тщете человеческого бытия.

Шульга поперхнулся кипятком.

— Чего-чего найдет? — переспросил он.

— Ты, очкарик, завязывай с этой буржуазной поэзией. Тут тебе не музей Пушкина. Тут либо ты дух переводишь, либо дух из тебя выходит. Понял, гуманитарий?

Штейн поднял на него спокойный, чуть близорукий взгляд.

— Я понимаю прикладную ценность вашего замечания, товарищ ефрейтор. Однако вынужден констатировать, что экзистенциальная тоска этого места вполне рифмуется с ямбом. Просто размер несколько хромает.

Сибирик Еремин медленно повернул свою тяжелую голову. Посмотрел сначала на студента, затем на пулеметчика.

Криво усмехнулся в черные усы и вдруг произнес басом, впервые за вечер подав голос:

— Хромает... Значит, живой еще. Вот убьют — тогда пойдет строевым шагом. Спать ложись, поэт. Завтра в четыре выход. Будешь мне след в след ступать и дышать через раз. Твой Блок снег не держит, понял? Провалишься — вытаскивать не стану.

В каптерке повисла тишина, нарушаемая лишь треском дров в буржуйке. Студент растерянно моргнул, пряча книгу за спину. Впервые с момента прибытия на «Глухой угол» его городская броня дала трещину.

За стеной казармы протяжно и тоскливо крикнула полярная сова. Застава засыпала. Впереди была долгая весна, гнилые крыши, ломающийся движок и война, которая велась не лозунгами, а терпением, холодом и сталью.

Глава 2. Чужая лыжня

Снег пошел за час до рассвета. Не та тяжелая, мокрая каша, что плюхается за шиворот и тут же тает, а мелкая, злая крупа, которую северяне называют «крупой-убийцей». Она мгновенно выбелила черную грязь заставского двора, прикрыла неряшливые заплатки на крыше казармы и стерла границу между небом и землей. К утру лес превратился в безмолвный, ослепительно белый чертог.

Тревогу поднял ефрейтор Сомов, ходивший проверять приманку на волков у дальнего капкана. Он вернулся через сорок минут — лицо багровое от мороза, дыхание сбито, хотя бежал он не больше версты. Ввалился в штаб без стука, тяжело опираясь на винтовку.

— Товарищ старшина... Лыжня. Свежая. Через запретку прошла. Идет мимо болота, прямо на северо-восток. На наш кордон.

Родионов отложил затвор, который протирал ветошью. Поднял глаза на Сомова.

— Рисунок?

Сомов переступил с ноги на ногу.

— Широкая. Лапа. Лаанпа, товарищ старшина. С камусом. У нас таких нет.

Старшина молча поднялся. Лаанпа — широкая финская или норвежская лыжа-снегоход, подбитая мехом нерпы или тюленя. Она не дает отдачи при подъеме в гору и почти не оставляет борозды, ее легко спутать со следом дикого зверя. Но опытный глаз всегда отличит геометрию шага человека от рыси или росوماхи. Кто-то шел к ним в тыл. Шел нагло, по прямой, пользуясь тем, что пурга скроет направление отхода.

Через пятнадцать минут группа была готова. Старшина Родионов взял троих: сибиряка Еремина, пулеметчика Шульгу (заставив его оставить тяжелый ДП и взять легкий автомат ППД) и Мишу Штейна. Студент было дернулся остаться, сославшись на то, что забыл очки, но взгляд Родионова пригвоздил его к месту. Очки здесь ни при чем. Здесь нужен был человек, способный вести журнал наблюдения, если двое лягут.

Они вышли в серую муть начинающегося дня.

Лыжня действительно вела глубоко в тыл. Она пересекала старую просеку, даже не пытаясь скрыться под кронами елей. Наглость, граничащая с самоубийством, либо высшая степень профессионализма.

— Чтение следов, — тихо бросил Родионов, опускаясь на колено рядом с отпечатком.

Бойцы сгруппировались вокруг, дыша в воротники.

— Смотрите сюда. Видите этот ворс? Мех направлен назад. Значит, идет против ветра, экономит силы. Камус глушит звук — мы бы не услышали его хруст, пока он не наступил бы нам на голову. Глубина продавки — восемь сантиметров. Груз тяжелый. Спина. Либо радиостанция, либо станок от пулемета. Идет один. Второй день.

— Откуда знаете про второй? — шепотом спросил Штейн, щури близорукие глаза.

— Сорока, — коротко ответил вместо старшины Еремин, указывая стволом автомата вверх.

— Сидела на сосне. Ветку сбила хвостом. Птица пугается запаха железа и чужого пота. Это прошло вчера. Сегодня лыжню просто присыпало верховым пухом.

Родионов кивнул. Сибиряк стоил своего веса в золоте. Они двинулись дальше. Погоня началась.

Первый день прошел в вязкой, выматывающей тишине. Лес сопротивлялся. Сухостой цеплялся за маскхалаты, валежник предательски трещал под ногами именно тогда, когда нужно было ступать беззвучно. Группа шла боевым уступом: впереди бесшумной тенью скользил Еремин, работая широкими охотничьими лыжами-голицами; за ним, оглядывая верхушки деревьев, двигался сам старшина; фланги держали Шульга и Штейн.

К вечеру мороз окреп. Двадцать градусов ниже нуля схватили влагу в воздухе. Лицевые маски из шинельного сукна обросли ледяной коркой от дыхания. Борьба с холодом стала вторым фронтом.

— Ноздрями дыши попеременно, — приказал Родионов студенту, заметив, как тот начинает бледнеть.

— Одну зажми, вторую грей ладонью. Если пойдет кровь — считай, отпрыгался. Кровь на морозе сворачивается комками, дышать нечем будет.

Штейн судорожно закивал, пряча нос в рукавицу. Его тонкие городские ботинки давно промокли, превратившись в деревянные колодки. Старшина видел это по тому, как парень ставит ногу — жестко, не пружиня. Обморожение пальцев ног — дело двух часов. Придется делиться портянками на ночной стоянке.

Первую ночь они провели в сугробе, выкопав снежную пещеру («берлогу») под вывороченными корнями старой ели. Разводить костер было равносильно самоубийству — дым виден за километры. Грели друг друга телами, лежа вплотную, укрывшись плащ-палатками. Шульга достал из-за пазухи кусок замерзшего сала. Ели, отрезая крошечные ломтики финкой, долго рассасывая их во рту, чтобы согреть изнутри. Штейн отказался, но после того, как Еремин молча положил ему на язык щепоть сахара, смешанного с толченым горохом, начал жевать. Сахар давал быстрый жар.

На вторые сутки характер лыжни изменился. След стал петлять. Диверсант понял, что погоня висит у него на плечах. Он начал путать следы: делал прыжки вбок, пытался идти задом наперед, переходил каменистые россыпи, где снег вообще не держался.

— Хитрит, гад, — процедил Шульга, сплевывая горькую от табака слюну.

— Водит кругами.

— Нет, — возразил Еремин, внимательно изучая сломанную веточку можжевельника.

— Он не водит. Он тянет время. Ведет нас куда-то конкретно. Там засада.

И сибиряк оказался прав.

Ближе к полудню второго дня лыжня вывела их к лесному озеру — правильной чаше льда, окруженному крутыми гранитными лбами. Белая пустыня метров двести в поперечнике. Противник оставил четкий, уверенный след, уходящий ровно к центру озера, где торчал небольшой островок с одинокой сухой елкой.

— Ловушка, — выдохнул Родионов.

— Тонкий лед. Или промоина. Пойдем дном — завязнем в трясине подо льдом.

Но обходить озеро по бурелому — значит потерять еще шесть часов светового времени. А враг там, на острове. Возможно, разворачивает рацию. Решение принял страх студента. Штейн, идущий замыкающим, поскользнулся на скрытом под снегом камне. Автомат выпал из рук, ударился прикладом, и произошел случайный выстрел. Треснувший звук разорвал звенящую тишину леса.

В ту же секунду шапка снега слетела с вершины огромной сосны на дальнем берегу. Выстрела из винтовки никто не услышал. Услышали только влажный, чавкающий удар. Захар Шульга, балагур и весельчак, несший дозор по левому флангу, нелепо взмахнул руками, словно пытаясь взлететь, и рухнул лицом вперед. Между его лопаток, расплываясь на белой ткани маскхалата густым дегтем, темнело входное отверстие.

Все произошло быстрее, чем мозг успел осознать смерть. Тренированные рефлексы срабатывали раньше мысли.

— По черной! Двести пятьдесят! — крикнул Родионов, хотя кричать было нельзя.

Группа рассыпалась. Еремин кубарем скатился в низинку, используя свое массивное тело как живой щит для Штейна. Старшина швырнул в сторону острова гранату — не для поражения, а для звуковой завесы. Рвануло глухо, выбросив столб грязного снега.

Под этот шум Родионов пополз к Шульге. Тот лежал неподвижно. Старшина перевернул его. Глаза пулеметчика были открыты, но жизнь уже вытекала из них вместе с паром последнего выдоха.

— Машенька... — только и прошептал он запекшимися губами, глядя куда-то сквозь командира.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.